

книга
в газетеН. ШЕСТАКОВА
«БЕЛЫЙ ГОРОД»публикуется
с продолжением

Глава пятая

О. Л. Книппер.

Ученики
Вл. И. Немировича-Данченко

Продолжим рассказ о педагогической деятельности Вл. И. Немировича-Данченко. Ученица Немировича-Данченко О. Л. Книппер пришла в училище в 1895 году «изгнанной» после месячного пребывания в Драматической школе при Малом театре, пришла «с тяжелым чувством и холодом в душе». Но, по ее словам, «изгнание» сослужило ей хорошую службу: не будь его, она не попала бы в Филармонию, а позже в Художественный театр. «С любовью вспоминаю наш курс, прекрасный подбор учащихся... курс, который серьезно взялся за работу и за дисциплину и оставил по себе хорошую память. Группа лиц (среди которых была и я), перешедших по окончании курса вместе с нашим профессором Вл. И. Немировичем-Данченко

в зарождающееся весной 1898 года новое дело — Художественный Общедоступный театр, — принесла уже с собой те зачатки большой внутренней дисциплины и любви к серьезной работе, заложенной в Филармонии, зачатки того, чем был так силен наш Московский Художественный театр».

В сентябре 1896 года студент Московского университета Всеволод Мейерхольд держал экзамен в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества. Он читал приемной комиссии знаменитый монолог Отелло и был принят в виде исключения сразу на второй курс. Вот что рассказал об этом знаменательном дне сам Всеволод Эмильевич: «Я помню себя мальчишкой, когда я пошел держать экзамен в Музыкально-драматическое училище. Был я тщедушен, голосок был небольшой, я еще представлял собой совсем недозревшее существо. Помню, я сказал себе: «Пойду экзаменоваться и возьму монолог Отелло...».

Это не наглость, это была вера в себя. Мне казалось, что я это могу, я так убедил себя в том, что я это могу, и выдержал настолько блестяще экзамен, что был принят сразу на второй курс. Меня продвинул этот талант, равный вере в себя. Эту уверенность в себе нужно обязательно иметь артисту».

Пройдут годы учения в филармоническом училище. Мейерхольд — лучший ученик курса. Итоговая характеристика, написанная Вл. И. Немировичем-Данченко, прозорливо и точно определяет творческую личность ученика: «Мейерхольд среди учеников филармонического училища — явление исключительное. Достаточно сказать, что это первый случай ученика, имеющего по истории драмы, литературы и искусства высший балл. Редкая в мужской части учащихся добросовестность и серьезное отношение к делу. При отсутствии того шарма, который дает возможность актеру быстро завоевать симпатии зрителя, Мейерхольд имеет все шансы занимать во всякой труппе очень заметное положение. Лучшим качеством его сценической личности является широкое, разнообразное амплуа. Он переиграл в школе более 15 больших ролей — от сильного характерного старика до водеvilного простака, и трудно сказать, что лучше. Много работает, хорошо

держит тон, хорошо гримируется, проявляет темперамент и опытен, как готовый актер».

Вглядимся внимательно в фотографии выпускников Филармонического училища 1898 года: серьезные, вдумчивые, они не позировали перед фотообъективом, держатся просто, но с достоинством. Владимир Иванович стремился привить им особую интеллигентность, чтобы внутренний мир столь любимого им Чехова сделался для них своим. Он так мечтал увидеть чеховских героев на сцене, что даже распределил между учащимися выпускного курса роли в «Чайке»: Аркадина — Книппер, Тригорин — Мейерхольд, Треплев — Мадаев (стоит крайний слева), Нина — Мунт (сидит в первом ряду). Многие из них станут первыми актерами молодого Художественного театра, только Мейерхольд сыграет в театре не Тригорина, а Треплева, а первой Чайкой будет другая ученица Немировича — М. А. Роксанова.

Некоторое время Вл. И. Немирович-Данченко совмещает работу в Художественном театре с педагогической деятельностью. При его посредничестве устанавливается тесная связь драматического отделения с театром, где учащиеся могут получить сценическую практику. Но работа режиссера и одного из руководителей Художественного театра становится все более напряженной, и в 1900 году Владимиру Ивановичу приходится отказать от заведования драматическим отделением (на его место назначается Ф. Ухов), а затем в 1901 году — совсем поки-

Группа выпускников Московского филармонического училища с Вл. И. Немировичем-Данченко и П. А. Шостаковским (в центре). Крайняя справа — О. Л. Книппер, в верхнем ряду второй справа — В. Э. Мейерхольд, 1898 год.

В. Э. Мейерхольд, 1898 год.

нуть училище, предварительно обеспечив себе достойную смену в лице приглашенных из Художественного театра А. Санина и В. Лужского.

В следующем, 1902 году дом Батюшкова переходит к новым хозяевам, задумавшим построить на месте особняка большой четырехэтажный доходный дом, который стоит и поныне (1905 год, архитектор Мейснер и гражданский инженер Нилус), а Филармоническое училище переезжает в 1902 году в дом Солдатенковых в М. Кисловском пере-

улке (ныне Собиновский пер., здание ГИТИСа).

«Филармонии я обязан многим. Там я укрепился в своих сценических задачах», — так говорил Вл. И. Немирович-Данченко о дорогом его сердцу учреждении. Позднее, как бы подводя итог этому периоду жизни, написал о годах, проведенных в Филармоническом училище: «Мечты, горения, дерзания — какие еще сильные слова имеются для этих понятий, — борьба за свое «новое», самопожертвования, преодоления, горькие неудачи и радостные праздничные победы! Совместная работа, связывающая любовью, дружбой, преданностью, непередаваемая смена образов, эпизодов! Кому из вас не знакомы эти драгоценные переживания стремлений, борьбы, поражений и побед. Такими переживаниями связан и я с Филармонией».

Огюст Кадоль

Все краеведы да и просто любители старой Москвы с благоговейным трепетом рассматривают и изучают литографии с изображением первопрестольной, подписанные французским художником Огюстом Кадолем. Его имя хорошо известно, а о самом художнике знают совсем немного. Почему французский литограф заинтересовался Москвою и посвятил ей несколько лет жизни?

«Известие о занятии Москвы и о пожаре потрясло Россию, — писал А. И. Герцен, — при первом пробуждении народа Петербург затмился, а Москва, столица без императора, пожертвовавшая собой для общего отечества, приобрела новое влияние». Отечественная война 1812 года, ее драматические события по-новому осветили роль и место Москвы в жизни страны — она стала воплощением национального характера, приобрела значение общерусского исторического центра, Москва восстала из пепла, по образному выражению П. П. Свиньина, «подобно Фениксу из праха своего в новой красе и величии». В лице Огюста Кадоля белокаменная столица нашла влюбленного в нее летописца.

О художнике известно, что он прожил долгую жизнь (1782—1849), работал, в основном, в жанре городского пейзажа; как урбанист имел большой авторитет и в течение

двух десятков лет (1824—1844) выставлял свои работы в парижском Салоне. В первой четверти прошлого века Кадоль жил и работал в Москве, где создал большое количество рисунков и акварелей, а также несколько литографированных серий с видами города. Как особый вид печати литография была изобретена в Германии в конце XVIII века, а широкое распространение получила чуть позже, в 1820 годах. Лучшие литографические заведения находились в Париже, поэтому не приходится удивляться, что первые работы О. Кадоля были напечатаны во Франции — в мастерской Г. Энгельмана. Вероятно, Кадоль еще не был знаком с техникой литографии, и его рисунки литографировали известные мастера: И.-А. Деруа, А.-В. Жоли, О.-Ф. Леметр и др. Позднее Кадоль будет литографировать свои работы самостоятельно, например вторую серию видов Москвы, состоящую из 17 прекрасных листов. Литографии Кадоля сохраняли легкость и непосредственность карандашного рисунка, передавали тончайшие градации свето-воздушной среды, отличались исключительным сюжетным разнообразием. Все три серии (более 30 листов) почти ни разу не повторили друг друга. Работы художника имели обычно панорамный характер, показ Москвы был сделан как бы с птичьего полета, но это не мешало ювелирно точной прорисовке первого и второго планов. Кадоль прожил в Москве почти десять лет. Его литографии были высоко оценены современниками и пользовались большой популярностью.

В. Никитская улица. Литография О. Кадоля, 1825 год. Государственный исторический музей.